

DOI: 10.31696/S086919080033716-4

УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ КОРЕЕЙ И КИТАЕМ В XVIII в.: ЭКСПЕДИЦИЯ 1712 г.

© 2025

Е.Е.ТРУБНИКОВА ^a, Н.А. ЧЕСНОКОВА ^b^{a, b} – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия^a – ORCID: 0009-0009-3566-3246; eetrubnikova@edu.hse.ru^b – ORCID: 0000-0001-5749-6615; nchesnokova@hse.ru

Резюме: Китайско-корейская граница в том виде, как она существует сейчас (вдоль рек Амноккан/Ялуцзян и Туманган/Тумэньцзян), впервые была письменно закреплена в начале XVIII в. после китайской экспедиции 1712 г. Тогда Цинский Китай направил в корейское государство Чосон чиновника Мукэдэна с сопровождением для уточнения границ и возведения пограничной стелы. Это было связано как с имперскими амбициями Цинской династии, так и с их желанием утвердить свое главенство в регионе. Немалое значение играл и женъшенъ – корейцы регулярно незаконно пересекали границу, чтобы собрать в изобилии растущий на китайской стороне женъшенъ, цена которого всегда была высока. Экспедиция проводилась в условиях пробудившейся в корейском государстве Чосон еще в XVII в. идеи «Малого Китая» (соджунхва), что отрицательно влияло на отношение корейцев к интересу цинской стороны. Так, в источниках видим многочисленные препоны, которые создавали корейцы, чтобы не допускать проникновения китайской экспедиции на свою территорию. Это приводило к отсрочкам и постоянным конфликтам. По итогам экспедиции была установлена пограничная стела. Однако оказалось, что Мукэдэн ошибся в определении истока реки Тумэньцзян, и стела была установлена в неверном месте, определяя китайскую землю как корейскую. Корейцы оказались перед дилеммой: оставаться честными или воспользоваться возможностью и расширить территорию. Честность могла привести к повторной экспедиции и новому вмешательству в корейские дела. Но обман императора мог привести к еще большему для королевства проблемам. Конфуцианское «служение старшему» победило, и корейцы сообщили об ошибке. Примечательно, что цинская сторона, к удивлению корейцев, не отреагировала на сообщение, и проблемы границы еще долго обсуждались среди корейской интеллигенции. Статья опирается на исторические китайские и корейские хроники и последовательно восстанавливает события, связанные с экспедицией.

Ключевые слова: Китай, Корея, Цин, Чосон, экспедиция 1712 г., Чанбайшань, Пэктусан

Для цитирования: Трубникова Е.Е., Чеснокова Н.А. Установление границы между Китаем и Кореей в XVIII в.: экспедиция 1712 г. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 100–111. DOI: 10.31696/S086919080033716-4

ESTABLISHING THE BORDER BETWEEN KOREA AND CHINA IN THE 18th CENTURY: THE EXPEDITION OF 1712

© 2025

Elizaveta E. TRUBNIKOVA ^a, Nataliya A. CHESNOKOVA ^b^{a, b} – HSE University, Moscow, Russia^a – ORCID: 0009-0009-3566-3246; eetrubnikova@edu.hse.ru^b – ORCID: 0000-0001-5749-6615; nchesnokova@hse.ru

Abstract: *The Chinese-Korean border as it exists today (along the Amnok/Yalu River and the Tumen River) was first documented in writing in the early 18th century after the Chinese expedition of 1712. At that time, Qing China sent an official, Mukedeng, with a mission to the Korean state of Joseon to clarify the borders and erect a border stele. Not only the Qing wanted to emphasize their imperial ambitions and to assert their supremacy in the region; ginseng trade also played a significant role – Koreans regularly illegally crossed the border to collect ginseng, which grew in abundance on the Chinese side and was always highly priced. On the contrary, since the 17th century, the idea of “Little China” (sojunghwa) had re-emerged in Joseon Korea, negatively affecting the Koreans’ attitude to the geographical interests of the Qing. Written sources provide numerous examples of various obstacles Koreans tried to create for the Chinese expedition to prevent it from penetrating their territory. This led to delays and constant conflicts. As a result of the Mukedeng expedition, a border stele was erected. However, it turned out that the source of the Tumen River had been identified and depicted incorrectly, and the stele was erected in the wrong place. The article examines the historical prerequisites for the design of the border, the specifics of the expedition and the results obtained, as well as the discussion that arose about the correctness of the established borders. The article relies on historical Chinese and Korean chronicles and consistently reconstructs the events associated with the expedition.*

Keywords: China, Korea, Qing, Joseon, Mukedeng mission 1712, Mt Changbai, Mt Paektu

For citation: Trubnikova E.E., Chesnokova N.A. Establishing the Border between Korea and China in the 18th Century: the Expedition of 1712. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 100–111. DOI: 10.31696/S086919080033716-4

Китайско-корейская граница проходит вдоль рек Амноккан / Ялуцзян и Туманган / Тумэньцзян¹. Это «одна из старейших и самых стабильных границ в мире» [Song, 2017, p. 158]. Ниже мы рассмотрим, при каких условиях впервые появилось это разграничение и что ему предшествовало.

ГРАНИЦА МЕЖДУ КОРЕЕЙ И КИТАЕМ В XVII–XVIII вв.

Первая половина XVII в. в Китае – смена правящих семей: династия Мин (1368–1644) пала под натиском маньчжур, установивших династию Цин (1644–1912).

Корейское государство Великий Чосон (1392–1897) почитало империю Мин за образец нравственности и подражания. В контексте системы отношений *цзунфань гуаньси* 宗藩關係

¹ Также известна как река Тумыньцзян, река Туманная, река Тюмень-Ула. В данном исследовании употребляется транскрипция в соответствии с транскрипционной системой Палладия. Для транскрибирования слов корейского языка на русский язык используется Русская практическая транскрипция.

в эпоху правления династии Мин Чосон идентифицировал себя как зависимое государство 諸侯國 (кор. «чехугук») и определял отношения с Китаем как взаимоотношения отца и сына. В Чосоне данная политика именовалась *садэ* 事大, что дословно можно перевести как «служение старшему».

После прихода Цин Чосон еще около 130 лет продолжал путь служения угасшей династии Мин, в то же время опираясь на прагматичный подход в области международных отношений [Chan, 2018, p. 88–108]. Чосон не желал принимать легитимность Цин, считая маньчжуров «варварами», не обладающими Небесным мандатом 天命.

С преобладанием антицинских настроений в Чосоне укрепилась идея *соджунхва* 小中華 (букв. «Малый Китай»). Она предполагала усиление корейской идентичности до такой степени, что впоследствии Чосон мог стать единственным истинным наследником китайской культуры [Wang, 2019(1), p. 253]. Радикальные сторонники данной идеи развивали план *нукполь* 北伐 – «похода на Север». Но Чосон не мог противостоять Цин в военной мощи, а потому демонстрировал непокорность исподволь, сохраняя ритуалы в честь павшей династии Мин [Чеснокова, 2017, с. 114–122].

Помимо этого, между Чосоном и Цин был не решен вопрос о принадлежности Ляодунского полуострова. Предшественник Чосона, Корё (918–1392) претендовал на эти земли, но из-за военной слабости в конце XIV в. при восточных основателях Чосона Ли Сонге на престол Корея отказалась от притязаний [Lee, 2016, p. 55–57]. В период Мин власть правящего двора над Ляодунским полуостровом была номинальной, а процветающие китайско-корейские двусторонние отношения и соблюдение *садэ* обусловили отсутствие необходимости четкой демаркации границы. Граница между Мин и Чосоном характеризовалась как пустынная пограничная область [Liu, Piao, 2020, p. 105–107].

С установлением маньчжурской династии Цин и изменением отношений между Чосоном и «Срединной империей» потребовалось обозначить границы между государствами. Географическая близость и конфликты, связанные с незаконным нахождением на чужой территории, стали одной из определяющих черт отношений между Цин и Чосоном вплоть до их краха в 1895 г. [Chan, 2018, p. 163]. На остроту территориального вопроса влияли и другие факторы, в числе которых обострение отношений Цин с Российской империей и, как следствие, боязнь потери контроля над Ляодунским и Корейским полуостровами [Kim, 2007, p. 131–135].

С приходом маньчжуров к власти в Китае увеличилась значимость их родины, а также женшенья как символа Маньчжурии. Он высоко ценился в Китае и Корее благодаря необычайным целебным свойствам и играл важную роль в экономике стран [Kim, 2017, p. 19–46]. Цинский двор стремился сохранить маньчжурскую идентичность, поэтому желал контролировать доступ в Маньчжурию. Политика *фэнцзинь* 封禁 (кит. – «закрывать доступ») окончательно утвердилась в 1688 г. [Kim, 2007, p. 53], а к 1697 г. была реализована в виде «Ивового палисада» 柳條邊 (*Лютяобянь*), который служил физической преградой смешивания ханьцев и маньчжур на Ляодунском полуострове [Kim, 2017, p. 79–82].

Для легитимации власти маньчжур также была важна сакрализация горы Чанбайшань (кор. Пэктусан) и пространства вокруг нее. Создавались и письменно закреплялись легенды: в «Истинных маньчжурских записях» 滿洲實錄 (*Маньчжоу шилу*) говорилось о происхождении династии из области к востоку от горы Чанбайшань [Kwon, 2010, p. 84], а, согласно «Истинным записям [правления] Нурхаци» 清太祖實錄 (*Цин Тайцзу шилу*), предки династии Цин происходили из самой священной горы [Kim, 2007, p. 33–61].

Во второй половине XVII в., император Канси провозгласил гору Чанбайшань священным местом рождения династии – *фасян чжунди* 發祥重地 – и ввел строгие ограничения на передвижение в районе к северу от горы и рек Ялуцзян и Тумэньцзян [Kim, 2007, p. 81].

В 1678 г. по приказу императора был повышен статус горы Чанбайшань: она стала одной из пяти священных гор *уъюэ* 五嶽 [Kwon, 2010, p. 84]. Так она превратилась в объект проведения ритуалов: геомантический центр империи был перенесен из горы Тайшань 泰山 в Чанбайшань, что также являлось актом на пути легитимации маньчжурской власти [Whiteman, 2015, p. 37]. Таким образом, маньчжуры были заинтересованы в том, чтобы уточнить границы и закрепить земли за собой.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ГОРУ ЧАНБАЙШАНЬ ЦИНСКОГО ЧИНОВНИКА МУКЭДЭНА В 1712 г.

После ряда потрясений и крупных побед второй половины XVII в. (Восстание трех вассалов в 1673–1681 гг., подписание Нерчинского договора с Россией в 1689 г. и др.) императором Канси были предприняты меры по усилению власти династии Цин, в том числе совершены символические поездки императора в удаленные части государства, имевшие место с 1681 г. и до конца правления Канси [Whiteman, 2015, p. 35–37].

«Строительство» империи Цин требовало больше географических карт и освоения пространства. В 1708 г. началось общенациональное картографическое исследование. Его проводила смешанная группа ученых – иезуиты, европейцы, китайцы и маньчжуры. Проект завершился в 1717 г. созданием Атласа Канси или «Карты полного обзора имперских владений» 皇輿全覽圖 (*Хуаньъюй цюаньлань ту*) [Wang, 2019(2), p. 157–158].

Были проведены и исследования китайско-корейской пограничной территории, а именно района горы Чанбайшань. Помимо политических, экономических и личных интересов императора Канси, действия были направлены на борьбу с корейскими подданными, которые часто незаконно пересекали границу.

С одной стороны, по мере урегулирования отношений с Чосоном, цинский двор позволял корейскому правительству самостоятельно расследовать случаи незаконного пересечения границы, но только при малом количестве нарушителей. С другой стороны, обе стороны друг другу не доверяли, и корейский двор, в силу *соджунхва*, совсем не считал себя низшим по статусу, что проявлялось в пренебрежительных письмах к императору и острой реакции на пограничные инциденты [Kim, 2017, p. 56–65].

Впервые цинский двор начал исследования горы Чанбайшань на рубеже 1680-х гг. В 1677 г. император Канси послал старшего помощника начальника императорского конвоя Умэнэ вверх по течению реки Сунцзян исследовать гору Чанбайшань, на склонах которой река берет начало. Осенью 1685 г. вновь была организована миссия по исследованию горы Чанбайшань во главе с Лэ Чу, командиром полкового отряда знаменного гарнизона Фан. Его цель – картографировать топографию региона близ реки Ялуцзян [Ли Хуацзы, 2014, p. 219].

Во время экспедиции 1685 г. китайская миссия столкнулась с группой корейцев, которые незаконно пересекли реку Ялуцзян для сбора женьшеня. Инцидент перерос в серьезную дипломатическую проблему. Несмотря на предпринятые обеими сторонами меры (например, в качестве краткосрочной меры корейскому посольству было запрещено заниматься частной торговлей женьшенем на пути в Пекин), нелегальные пересечения рек Ялуцзян и Тумэньцзян продолжались, что естественным образом отражалось на отношениях двух государств [Kwon, 2010, p. 47].

В 1691 г. Цин пригласили Чосон участвовать в совместной экспедиции для исследования границы в районе горы Чанбайшань, но корейский двор сомневался в истинных намерениях соседей – пристальное внимание маньчжур к северо-востоку Китая расценивалось как приготовление к возможному присвоению корейской территории. Однако кооперация с Чосоном была полезна Цин. В 1710 г., когда корейские подданные были вновь схвачены

после незаконного перехода через реку Ялуцзян и нападения на китайских торговцев, Чосон согласился на предложение Цин [Kim, 2017, p. 61–65]. Тогда, чтобы установить китайско-корейскую границу и исследовать истоки рек Ялуцзян и Тумэньцзян, император Канси направил начальника знаменного гарнизона Бухта-Улы Мукэдэна: «В пятом месяце пятидесятого года [правления императора Канси]², император сказал государственному советнику: “В западной части горы Чанбайшань границей между Китаем и Чосоном служит река Ялуцзян, а река Тумэньцзян течет с восточной части горы Чанбайшань на юго-восток и впадает в море, [территория к] юго-западу от реки Тумэньцзян принадлежит Чосону, [территория к] северо-востоку [от реки] принадлежит Китаю, то есть река является границей. Однако [наши] знания о местности между реками Ялуцзян и Тумэньцзян недостаточны”. И тогда [император] послал Мукэдэна для исследования границы» [Цин ши гао, 2006, Лечжуань 313, 23].

Цин полагали, что реки Тумэньцзян и Ялуцзян разграничивают Цин и Чосон и географически берут начало из озера Тяньчи («Небесное озеро», кор. «Чхонджи»), что находится на вершине горы Чанбайшань. Сведения о том, что реки Ялуцзян, Тумэньцзян и Сунгари (также «Сунхуацзян») берут начало на горе Чанбайшань, были зафиксированы в «Историко-географическом описании династии Юань» 元一統誌 (*Юань итунчжи*), «Историко-географическом описании династии Мин» 明一統誌 (*Мин итунчжи*), а также в составленном в начале правления императора Канси «Географическом описании Шэнцзина» 盛京通誌 (*Шэнцзин тунчжи*) [Ли Хуацзы, 2014, p. 219].

Знания императора Канси о китайско-корейской границе были достаточно обширными, что подтверждает речь императора к Мукэдэну: «Река Хунтунцзян³ берет начало на задней [стороне] горы Чанбайшань, течет на северо-восток от верфи [и] Бухта-Улы, соединяясь с рекой Хэйлуцзян, впадает в нее. Эти территории являются китайскими. Река Ялуцзян берет начало на юго-восточном [склоне] горы Чанбайшань, течет на юго-запад, между городом Фэнхуанчэн⁴ и чосонским уездом Ыйджу впадает в море. [Территория] к северо-западу от реки Ялуцзян является территорией Китая. [Территория] к юго-востоку от реки является территорией Чосона. Река [Ялуцзян] является границей. Река Тумэньцзян берет начало на восточном склоне горы Чанбайшань, течет на юго-восток [и] впадает в море. [Территория] к юго-западу от реки Тумэньцзян является территорией Чосона. [Территория] к северо-востоку от реки является территорией Китая. Река [Тумэньцзян] также является границей. Здесь все очевидно. Однако знания о территории между двух рек – Ялуцзян и Тумэньцзян – смутные» [Цин шилу Канси, 2006, год правления 55, 153].

Согласно отрывку, цинский двор и лично император Канси разграничивали территорию близ Корейского полуострова на принадлежавшую Срединному государству и относящуюся к владениям Чосона. Однако для ясной демаркации района горы Чанбайшань необходимо было исследовать местность между реками Ялуцзян и Тумэньцзян.

Начиная с 1680-х гг. цинский двор неоднократно «штрафовал» корейского вана на десять, а то и двадцать, тысяч *лянов*⁵ серебра за незаконное пересечение корейскими подданными границы [Kim, 2017, p. 61–65]. Однако в 1710 г. император Канси, хоть и распорядился о наказании нарушителей, но воспользовался ситуацией как поводом для долгожданного исследования района горы Чанбайшань с участием местных корейцев: «В десятом месяце

² 16.06.1711–15.07.1711.

³ Имеется в виду река Сунгари.

⁴ Имеется в виду городской уезд Фэнчэн городского округа Дандун. Название произошло от горы Фэнхуаншань.

⁵ *Лян* – весовая единица, равная 1/16 части *цзиня* (1 *цзинь* равен 0,5 кг).

[пятидесятого года правления Канси]⁶ император указал освободить вана Чосона [Сукчон, правление 1674–1720] от большей части дани [в размере] тысячи *лянов* серебра, 142 шкур красного леопарда, распорядился касательно постоянных домов, находящихся на пути чосонских посланников. В том же году чиновник Министерства ритуалов повторно расследовал и постановил решение [касательно] территории вблизи Чосона и округов Цзиньчжоу, Фучжоу, Хайчжоу, Гайчжоу области Шэньянфу, приказал генералу [города] Шэнцзин⁷ и градоначальнику области Шэньянфу строго наказывать жителей прибрежных территорий, запретить заниматься рыболовством и собирательством у вод близ Чосона, а также задерживать и отсылать всех людей, достигающих [границы с] Чосоном [в целях] рыболовства и собирательства» [Цин ши гао, 2006, Лечжуань 313, 23].

Ответ корейского вана был следующим: «В пятом месяце пятьдесят первого года [правления императора Канси]⁸ ван Сукчон направил [императору] благодарственное письмо за благодеяние [императора в виде] уменьшения размера дани, отправив [также] подношения [в виде] товаров местного производства, император велел определить [эти] подношения в знак благодарности за милость в качестве подношений к Празднику зимнего солнцестояния и Нового года» [Цин ши гао, 2006, Лечжуань 313, 23].

Однако Мукэдэн смог произвести исследование далеко не сразу. Первая попытка была предпринята в 1711 г., когда цинская миссия столкнулась с препятствиями со стороны чосонского двора и местных чиновников. Корейцы пытались отговорить Мукэдэна от поездки, ссылаясь на опасность пути, и вводили посланника в заблуждение, указывая более трудные маршруты, отказывались предоставлять надлежащую информацию о территории своей страны [Kim, 2017, p. 65–70].

В 1712 г. была предпринята вторая попытка исследования. Прибывший прежде Мукэдэна маньчжурский чиновник Бусулунь сообщил корейской стороне, что данный визит был санкционирован императорским указом для демаркации границы: «В полученном 27 числа 4 месяца [38 года правления вана Сукчона] письме от чоппанса⁹ Пак Квона и губернатора провинции Хамгёндо Ли Сонбу говорилось: “[Цинский чиновник, императорский телохранитель Бусулунь и переводчик Хон Ига верхом на лошади прибыли к рубежам района Худжу[бу]; переводчику [с корейской стороны] было повелено нанести визит вежливости и преподнести *дань*¹⁰ риса, поросят, соли [и] соевого соуса; императорский телохранитель, сославшись на то, что, начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] отсутствовал, отказался принять [подарки]. Также он сказал, что у [них] было два дела, одно – руководить исследованием горы Чанбэксан (то есть гора Пэктусан, северные народы также называют горой Чанбайшань), одно – ожидать подготовки лошадей и погрузки багажа для поездки... [”]» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

Примечательно, что при объяснении различий в топонимах, употребляемых для одной и той же горы, корейские чиновники используют по отношению к цинам выражение «северные народы» 胡人, что также имеет значение «варвары». Следовательно, в данный период маньчжурская династия Цин действительно еще не была принята до конца и считалась «варварской».

Во второй части письма также видим препятствия на пути цинской миссии, а именно уклонение корейских чиновников от подготовки необходимых оснащений и оттягивание времени: «[Мы] ответили [：“Что касается] людей, указывающих путь, [они] организованы

⁶ 10.11.1711 – 9.12.1711.

⁷ Шэнцзин – название города Шэньян в 1625–1912 гг.

⁸ 04.06.1712 – 03.07.1712.

⁹ Чоппанса – церемониймейстер по приему иностранных послов.

¹⁰ *Дань* – мера объема сыпучих тел, равная 100 л.

[и] ожидают, но, [что касается] лошадей, то они не упоминались ранее в посланиях [Китая нашему государству и] документах от императорского гонца, [поэтому] в действительности нет возможности подготовить [лошадей в путь] за такой короткий промежуток времени; кроме того, [данный] вопрос выходит за [рамки нашей] юрисдикции, [поэтому нам] трудно распоряжаться произвольно.]" Переводчик [китайской стороны] полагал: "[Что касается вопроса] о почти сотне лошадей, [то] в послании [Китая Чосону] говорилось о распоряжениях, касающихся данного дела; кроме того, [об этом] уже было сказано переводчику посла [Чосона на Праздник] зимнего солнцестояния [в Китай] Ким Хонджи, [поэтому это не является делом, которое] требуется [решать] в спешке". Если после прибытия Мукэдэна сказанное [останется] тем же, то на деле не останется пути, [чтобы] полноценно скрыть [это]" [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

Обратим внимание на последнее предложение. Чосонская сторона не доверяет Цин и пытается саботировать план, но в силу специфики китайско-корейских отношений не может не подчиняться.

Через три дня вновь было получено письмо от Пак Квона и других чиновников. Вновь корейская сторона пытается сослаться на опасность и труднопроходимость маршрута и ответить Мукэдэна: «29 числа, [когда] начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] [и] сопровождающие лица прибыли, переводчику [корейской стороны] было велено пересечь [улицу и] поприветствовать [их]. Начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] спросил: "[Прибыли [и] ожидают [ли] знающие путь?]" [Мы] ответили [": "[После прибытия в [город] Хесан [они] подготовились [и] ожидают, однако путь через горы чрезвычайно опасный, каким образом [вы] осуществите поездку?]" ...[Мукэдэн] вновь спросил [": "[Постоянно ли на юге горы Пэк[ту]сан находится караул?]" [Мы] ответили [": "[Эта местность чрезвычайно опасная, [там] не ступала нога человека, поэтому [местность] пустынная, [и там] отсутствует караул, как [и на] земле за пределами [пограничных] ворот Великого государства¹¹]" [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

Следующая часть письма указывает, что Чосон отказывается предоставлять имеющуюся информацию о географии района горы Чанбайшань: «Начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] сказал: "Вы способны ясно представить границу [между] двумя государствами?" [Мы] ответили [": "[Хотя [мы] не видели [ее] собственными глазами, на вершине горы Чанбэксан есть большое озеро, [из него] на запад вытекает река Амноккан¹², на восток вытекает река Туманган¹³, южная [часть] большого озера и есть граница нашего государства.]" Когда в прошлом году император принимал [нас и] спросил [об этом], смотря вверх, [мы] ответили так же. [Мукэдэн] вновь спросил [": "[Есть ли официальные документы, подтверждающие [это]?]" [Мы] ответили [": "[С момента основания государства [и] до сих пор [это] передавалось из уст в уста, зачем же [нам] нужны официальные документы?]" [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

Вышеприведенный отрывок также объясняет, как Чосон представлял свои границы: южная часть «Небесного озера» относилась к Чосону, а северная являлась территорией цинского Китая. Также подтверждается, что обе стороны предполагали наличие границы и воспринимали друг друга как два отдельных государства, находящихся в особых иерархических отношениях.

Далее вновь поднимается вопрос о снабжении цинской миссии экипажем. Корейская сторона не желает способствовать исследованию, в то время как Мукэдэн готов отправляться

¹¹ Имеется в виду Китай.

¹² Река Ялуцзян (кит.).

¹³ Река Тумэньцзян (кит.).

даже без помощи Чосона: «[Мукэдэн] вновь спросил [: “]Сопровождающие люди [и] лошади организованы [и] ожидают?[/”] [Мы] ответили, как и днем ранее ответили переводчику [китайской стороны], тогда начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] сказал: “В послании от императорского гонца очевидным [образом] писалось [о] 7 императорских послых [и] 50 лучших войнах, теперь лошади само собой должны быть подготовлены [и] ожидать. Два иероглифа 照管 [‘распоряжение’] в послании как раз и указывают на этот вопрос. Поскольку мы отправили всех лошадей, если у вашего государства их недостает, то [мы] будь то даже отправимся пешком, [чтобы] должным [образом] исследовать границу [между] территориями, а [когда] после исследования [мы] достигнем границ уезда Кёнвон, [там нас] будут ожидать люди и лошади, [присланные] нашим государством”» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

Письмо оканчивается следующими словами: «Поскольку уже говорилось о южной [части] горы Пэк[ту]сан, не были подняты излишние спорные вопросы, нет [причин] сильно беспокоиться о пограничных спорах. [Что касается] вопроса [о] носильщиках и лошадях, император уже распорядился [об этом], а [что касается того, чтобы] “идти пешком”, кажется, будто [эта фраза] имеет значение недовольства, [если мы] продолжим мешать [им], боюсь, может приключиться беда, поэтому [будет] послан [наш] переводчик туда и обратно с багажом, тогда [багаж будет] вновь погружен на лошадей [и] перевезен до города Хесан, 40 лошадей, [что] перевозят путников, а также постельные принадлежности, снаряжение [и] провизию, согласно обещанию, [будут] перемещены [туда], организованы [и] будут ожидать; [имеющаяся] провизия [и] гарниры очень обильны, так как, как говорилось, император беспокоился, [что может] не хватить, [и] пожаловал припасы [в] путь; [поэтому они] отказались от всех преподношений [провизии], не приняли даже такие товары, как намчхо¹⁴, [что] были преподнесены переводчиком лично, несмотря на то, что поступили [они] по официальным каналам. В тот же день группа пересекла [границу и] прибыла на нашу территорию, заявив, [что они] остановятся на ночлег в Сонджоне» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

Рассуждения данной части отражают позицию корейских чиновников и их вынужденное «поражение» – Чосон не мог позволить себе продолжать открыто сопротивляться неизбежному началу исследования. Отказ же китайской стороны от подношений показывает, что Цин не были довольны чосонской стороной.

В конце записи вновь видим, что корейские чиновники различного ранга намеренно пытались препятствовать миссии Мукэдэна. Так, переводчик, которому было сообщено о требованиях цинской стороны, не передал указ вышестоящим лицам: «Несмотря на то, [что] переводчик Ким Хонджи слышал сказанное переводчиком [китайской стороны], [он] так и не сообщил [об этом] вышестоящим лицам, оставив правящий двор в полном неведении, следует [поступить по] пути расследования и строгого наказания» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 5 день, 5 месяца, 38 года правления].

С другой стороны, в более ранней записи, датируемой 4-м днем 3-го месяца 38-го года правления вана Сукчона (1712 г.) и посвященной подготовке к прибытию Мукэдэна, говорится о надлежавшем соблюдении всех правил ритуала приема цинского чиновника: «Уиджон¹⁵ Чо Сан-у вместе с чиновниками Совета по вопросам охраны границ Чосона Пибёнса прибыл к Резиденции председателя и заседателей государственного совета Пинчхон, Чо Сан-у подал в отставку в связи с болезнью, [поэтому] чиновники просили доложить трону об учтивом принятии Мукэдэна и других делах. В приложенном письме к королю от посланников [говорилось, что] Мукэдэн собирается перейти границу там,

¹⁴ Намчхо – вид табака, производимый в Чосоне.

¹⁵ Уиджон – второй заместитель председателя государственного совета.

где заканчиваются [поселения] войск Пхесагун, по этой причине говорилось о том, что следует его принять, потому попросили заменить посланника из Квансо на посланника из Хамгёдо, однако было сказано, что посланник уже вернулся из уезда Чунхва, [поэтому Чо Сан-у необходимо] прибыть в столицу, а затем оставить службу при дворе и отбыть. ...Кроме того, [если] путь высокопоставленного чиновника Высшего государства [будет] проходить через нашу территорию, то [необходимо] справиться о самочувствии и устроить прием, в этом случае [следует] направить посланника мунвиса¹⁶, лицо высокого ранга среди начальников Намдо, тхонджона¹⁷ [или] касона¹⁸, и направить заранее приготовленный список подарков; прием должен быть организован лаконично и просто» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 4 день, 3 месяца, 38 года правления].

Также говорится о важности предварительной подготовки и расчистки труднопроходимых путей для доступа к горе Чанбайшань и дальнейшем сопровождении китайской делегации, о статусе данного события и необходимости поручения вопросов более высоким чинам: «Кроме того, между горами Пэктусан и Чанбэксан находится водораздел на горе Подавесан, данная поездка похоже будет совершена по этому пути. Инспектор и войны были посланы к уху¹⁹ и пхёнби²⁰ [для] осмотра и проверки трудных и опасных мест, расчистки пути, чтобы люди и лошади смогли пройти; если он [Мукэдэн] выразит желание через Унчхон подняться прямо на гору Пэкту, спуститься вниз по реке Туманган, тогда не обязательно прокладывать путь через гору Подавесан, нужно обсудить это и проводить его. Кроме того, [если] он выразит желание следовать удобным путем через наши или собственные земли, то также нужно последовать за ним, а когда высокопоставленный чиновник будет проходить по своей земле, посланник должен идти параллельно по нашей территории; поскольку он сказал, что они сами подготовят провизию, то нет необходимости дробить [путь] и определять перевалочные пункты, поддерживать постоянное снабжение [продуктами], как изначально планировалось в Квансо, [нужно] лишь организовать пункты для отдыха днем и ночлега ночью; если же случится так, что это будет безлюдная земля, то [нужно] соорудить временное жилище [или] шатер, а провизию и гарниры [следует] подносить в сухом виде. ...Такого уровня неотложное государственное дело не может быть поручено пешему гонцу, просим назначить другого пэджи, отправиться на почтовой лошади, [и разобраться с вопросом] в соответствии с правилами регулирования западного пути. Ван [распорядился] в соответствии со [всем вышеуказанным]» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 4 день, 3 месяца, 38 года правления].

Хотя реальные действия корейских чиновников препятствовали плану Мукэдэна, приведенная запись свидетельствует, как минимум, о внешнем стремлении к соблюдению принятых правил приема цинских послов и общего взаимодействия со «старшим» государством.

ЭКСПЕДИЦИЯ 1712 г.: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Свое исследование Мукэдэн начал с определения истока реки Ялуцзян. Так как он поднимался в гору и направлялся против течения, определить местонахождение истока получилось достаточно быстро. Что касается определения истока реки Тумэньцзян, то оно далось Мукэдэну не так легко. Т.к. он начал с вершины горы, оказалось сложным найти фактическое местоположение истока [Kim, 2017, p. 65–70]. В Сукчон силлок («Истинных

¹⁶ Мунвиса – чиновник, направляемый для встречи китайского посланника.

¹⁷ Тхонджон – чиновник третьего ранга.

¹⁸ Касон – чиновник второго ранга.

¹⁹ Уху – управляющий провинцией.

²⁰ Пхёнби – помощник командующего войсками.

записях правления Сукчона») о процессе и результатах определения истоков рек сказано следующее: «Чоппанс Пак Квон поспешил доложить: “Начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] поднялся на вершину горы Пэк[ту]сан [и] тщательно осмотрел [ее]; поскольку исток реки Амноккан на самом деле проистекает с середины южного склона горы, [исток реки Амноккан] изначально считался [местом разделения] границ; а [что касается] истока реки Туманган, то у самой низкой точки восточной стороны горы Пэк[ту]сан находится приток, [что] течет на восток.” Начальник знаменного гарнизона [Бухта-Улы Мукэдэн] назвал это [место] истоком реки Ту[ман]ган [и] сказал: “Эта река течет на восток [и] на запад, разделяясь на две реки, будет уместно назвать [ее] водоразделом.” [Мукэдэн] намеревался установить стелу на [водо]разделе [и] сказал: “Демаркация границы [и] установление стелы – и есть воля императора. Даже имена послов [и] сопровождающих чиновников должны быть высечены на конце стелы.” Чиновники ответили, что [есть те из них, кто] не смог пойти вместе [с остальными] исследовать [границу], но [их] имена были высечены на конце стелы, [это] дело нечестное» [Сукчон силлок, 2003, кн. 51, 23 день, 5 месяца, 38 года правления].

Определившись с истоком реки Тумэньцзян, Мукэдэн приказал установить стелу в качестве отметки водораздела, от которого Тумэньцзян течет на восток, сделав акцент на статусе исследования. В ключевой части записи, где говорится о необходимости нанести на стелу имена и корейских чиновников, вновь видим недовольство корейской стороны. «Помимо стелы, Мукэдэн также приказал корейским чиновникам установить заборы и насыпи, чтобы граница была видна» [Ли Хуацзы, 2014, р. 223–224]. Это важно, т.к. река Тумэньцзян на протяжении нескольких десятков ли²¹ протекала под землей.

Долгая и напряженная миссия Мукэдэна не разрешила всех пограничных вопросов. Напротив, китайско-корейские споры лишь усилились. Причиной стала путаница с определением истинного расположения истока реки Тумэньцзян. После отъезда Мукэдэна чосонские чиновники, которым было поручено соорудить заборы и насыпи, обнаружили, что Мукэдэн ошибся в определении истока [Ли Хуацзы, 2014, р. 220–222].

Чосон столкнулся с дилеммой. Если следовать указаниям Мукэдэна, то ограждения окажутся в неправильном месте, на территории династии Цин. Если же установить их по своему усмотрению, возникнут проблемы в отношениях с Китаем. Объявить об ошибке в расчетах казалось равносильным инициировать новую экспедицию, что нервировало чосонский двор. После долгих обсуждений было решено объяснить проблему Мукэдэну, а не императору Канси. Однако позиция цинского двора отличалась от позиции корейского: Цин не стали проверять точность местоположения стелы [Kim, 2017, р. 65–70].

В последующие десятилетия в корейском обществе не утихла дискуссия: привело ли неверное установление стелы к потере территории Чосона или нет. Разногласия относительно китайско-корейской границы отражались в литературе и на чосонских картах того периода. Граница с Цин изображалась по-разному в районе реки Тумэньцзян, но на большинстве карт демаркационная стела была соединена не с рекой Туманган 豆滿江, а с рекой Тхомунган 土門江, которая иногда обозначалась как «демаркационная река». Таким образом, предполагалось, что установленная Мукэдэном стела ошибочно определяла границу [Song, 2017, р. 163–167].

Помимо путаницы с определением истока реки Тумэньцзян, вновь проявившейся в пограничных спорах в конце XVIII в., следствием экспедиции 1712 г. стала трансформация восприятия горы Чанбайшань/Пэктусан обеими сторонами. В Цин продолжалась сакрализация горы. В Чосоне также начал возрастать интерес к горе в ритуальном и геомантическом аспекте, в особенности в период правления вана Ёнджо (1724–1776 гг.). Чосонский

²¹ Ли – мера длины, равная 0,5 км.

двор придал значение горе Пэктусан в той же форме, что и цины ранее – гора являлась священным местом и родиной правящей династии, так как Ли Сонге, основатель Чосона, родился в провинции Хамгёдо, где и расположены гора Чанбайшань/Пэктусан и река Тумэньцзян/Туманган [Kim, 2017, p. 58].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование китайско-корейской границы в районе горы Чанбайшань 1712 г. раскрывает уникальность цинско-chosonских отношений, что наглядно отображается в китайских и корейских источниках. Вопреки общепринятым представлениям о покорности зависимого государства, корейские чиновники, опасаясь, что цинский двор намеревается в дальнейшем захватить территорию Корейского полуострова, препятствовали «варварам», ведь на данный момент Чосон еще не до конца признал легитимность правления маньчжурской династии. Выполняя поверхностные обязанности «младшего» государства, чосонский двор внутренне не доверял Цин.

Осуществление географической экспедиции говорит о переосмыслении пространственного восприятия империей Цин и возникшей необходимости демаркации границы, а также подтверждает возможность сосуществования концепции территориальной целостности и диннической системы. Более того, появившаяся в ходе исследования путаница, связанная с истоком реки Тумэньцзян, стала главной темой пограничных споров в конце XIX – начале XX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ли Хуацзы. Тумэньцзян чжэньюань као. *Дунъя дэ вэньхуа цзялюю*. 2014. Pp. 218–234 [Li Huazi. Exploring the True Source of the Tumen River. *East Asian Cultural Exchange*. 2014. Pp. 218–234 (in Chinese)].

Сукчон силлок. Чосон ванджо силлок [*The Veritable Records of the Joseon Dynasty*. 2003. (in Hanmun)]. <https://sillok.history.go.kr/main/main.do> (accessed: 10.01.2025).

Цин ши гao (Черновик истории [династии] Цин). 2006 [*Draft History of the Qing Dynasty*. 2006. (in Chinese)] <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=98755> (accessed: 10.01.2025).

Цин шилю Канси чао шилю (Правдивые записи [о всех правителях династии Великая] Цин – правдивые записи правления [императора] Канси). 2006 [*The Veritable Records of the Qing Dynasty. The Veritable Records of the Kangxi Reign*. 2006. (in Chinese)] <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=852061&remap=gb> (accessed: 10.01.2025).

Чеснокова Н.А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «сда» в Корею в XVII–XVIII вв. *Вестник РГГУ*. 2017. Вып. 2 (8). С. 114–122 [Chesnokova N.A. On the rough edges of diplomacy: “loyalty”, “debt” and “sadae” in the 17th–18th centuries in Korea. *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*. 2017. Vol. 2(8). Pp. 114–122 (in Russian)].

Chan R.K. *Korea-China Relations in History and Contemporary Implications*. Hong Kong: Palgrave Macmillan, 2018.

Kim S. Ginseng and Border Trespassing Between Qing China and Chosŏn Korea. *Late Imperial China*. 2007. Vol. 28 (1). Pp. 33–61.

Kim S. *Ginseng and Borderland: Territorial Boundaries and Political Relations between Qing China and Chosŏn Korea, 1636–1912*. Oakland: University of California Press, 2017.

Kwon N. Changes in the Perception of Baekdusan during the Late Period of Joseon. *The Review of Korean Studies*. 2010. Vol. 13 (4). Pp. 73–103.

Lee J. Koreans' Perception of the Liaodong Region during the Chosŏn Dynasty. *International Journal of Korean History*. 2016. Vol. 21 (1). Pp. 47–85.

Liu J., Piao Y. Expansion, Contestation, and Boundary Making: Chosŏn Korea and Ming China's Border Relations over the Yalu River Region. *International Journal of Korean History*. 2020. Vol. 25 (2). Pp. 105–142.

Song N. Imagined territory: Paektusan in late Chosŏn maps and writings. *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes*. 2017. Vol. 37 (2). Pp. 157–173.

Wang Y. The Qing Challenge in Chosŏn Korea. *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*. 2019(1). Vol. 1 (33). Pp. 253–260.

Wang Y. Provincializing Korea: The Construction of the Chinese Empire in the Borderland and the Rise of the Modern Chinese State. *T'oung Pao*. 2019(2). Vol. 105 (1–2). Pp. 128–182.

Whiteman S. Kangxi's Auspicious Empire: Rhetorics of Geographic Integration in the Early Qing. *Chinese History in Geographical Perspective*. Dao Y-T, J. Kyong-McClain (eds.). Lanham: Lexington Books, 2015. Pp. 33–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТРУБНИКОВА Елизавета Евгеньевна – студент ОП «Востоковедение» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Elizaveta E. TRUBNIKOVA, student, Asian and African Studies Program, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

ЧЕШОКОВА Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Nataliya A. CHESNOKOVA, PhD (History), Assistant Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.